

СВОЕОБРАЗИЕ ЛЕКСИКИ ПРОИЗВЕДЕНИЯ ГЕОРГИЯ КОНИССКОГО “СЛОВА И РЕЧИ”

“Проповеди Георгия просты и
даже несколько грубы, но их
искренность увлекательна”

А.С.Пушкин

Проблема соотношения старославянского и русского элементов в формировании литературного языка являлась актуальной в течение всей его истории, но наибольшую актуальность она приобрела в период становления национального русского литературного языка, когда русские элементы стали осознаваться как ведущие, основные. Новый этап развития русского литературного языка определился с середины XVIII века, когда происходило интенсивное слияние различных языковых элементов. Старославянский язык перестал занимать в этот период важное место в письменности, какое занимал в предшествующую эпоху. С развитием светской письменной традиции сфера его применения значительно сузилась, ограничившись определенными жанрами литературы.

Однако контакт старославянского языка с русским литературным языком сохранился. Вопрос об их взаимодействии неоднократно затрагивался в XVIII веке, поскольку именно в это время наблюдается слияние элементов старого книжного языка с элементами народно-разговорными и официально-деловыми и происходит формирование новых литературных стилей.

Осознание старославянского и русского как двух разных, но близких языков наложило отпечаток на языковую практику видных общественных и религиозных деятелей и просветителей XVIII века.

Одним из ведущих в то время был жанр проповеди. Именно к этому жанру относятся “Слова и речи” выдающегося просветителя Георгия Конисского, который “еще при жизни стяжал славу знаменитого церковного оратора, речи которого неподражаемы” [1, С. 432].

“После его смерти публикация его проповедей и положительный о них отзыв А.С. Пушкина, а также замечательная рецензия А.С. Шишкова окончательно упрочили славу Георгия Конисского как проповедника. Его ставят в число небольшой группы замечательных ораторов екатерининского времени, таких, как Геден Криновский, Платон Левшин и другие, проповеди которых представляют “образец ораторского искусства того времени” [2, С. 432].

Изречения Георгия Конисского расположены в хронологическом порядке, поэтому легко проследить изменение соотношения старославянских и восточнославянских языковых элементов.

До начала восьмидесятых годов 18 века в его проповедях преобладают старославянизмы. Так, широко представлены неполногласные формы слов; наиболее частыми из них являются *гладь, глась, предь, глава, злато, серебро, чрезь*. Менее употребительны такие слова, как *градь, врань, хладь, здравие, власы, блато, млать*. Из слов с *щ* на месте русского *ч* широким распространением характеризуются слова *хоцет, хоцу, помощь, дщерь, нощи, сущи*. Менее распространены лексемы *хранящий, кипящий, нощной, нарещи, поглощена*. Часты слова с сочетанием *жд* на месте *dj*: *межда, нужда, вожденный, страждет, ограждая*. Старославянское *е* на месте русского *о* встречается лишь в словах *един (единый, единожды), езеро*.

Из морфологических особенностей следует отметить широкое распространение старославянской флексии в форме Р.п. ед. ч. *-аго: ветхаго, блуднаго*. Широко представлена старая грамматическая система глагола, что является ярким признаком книжно-славянского типа языка: формы 2 лица ед.ч. настоящего времени на *-ши (повелеваеши, приложеши)*; формы аориста и имперфекта (*несохъ, несяхъ, приидохомахъ*). Многочисленны звательные формы: *Сыне! Друже! Боже!* и др.

В области словообразования наблюдается большее разнообразие, нежели в области морфологии. Наиболее продуктивными способами образования старославянских слов является префиксальный, суффиксальный и сложение слов. Наибольшим распространением характеризуются слова с приставками *воз-/вос-* (возвышающий, возвеселися, воздвигнет, возложить, восстать, восхотеть и др.); *из-/ис-* (исполненный, испити, излити, исходити); *низ-/нис-* (ниспослати, низринуться, низложить и др.); *пре-* (преисполнити, пренебрежно и др.); *со-* (содеяние, сотворити, сопротивиться и др.).

Проповеди насыщены прилагательными в превосходной степени с суффиксами *-ѣйш-, -айш-* (блистательнѣйший, драгоцѣннѣйший, величайший, знатнѣйший, дражайший, блаженнѣйший, ужаснѣйший, основательнѣйший, чистѣйший и мн. др.).

Пожалуй, самым распространенным способом образования в проповедях является словосложение. Широкое распространение получили лексемы с первой частью *благо-* (благочестивый, благословение, благосостояние, благовестие, благоговение и др.). Другие сложные слова включают в себя имя (существительное, прилагательное, числительное) и соединяются со второй частью тематическим гласным *о* или *е* (*блудодѣяние, богомерзский, едиnorodный, златоблестящий, злострадание, бракоокрадованная (невеста), животодавец, богодухновенный, марнотравец, многобожие, идолослужение, мледѣлатель, плотоугодие* и мн. др.).

Среди сложных лексем встречаются и слова-антонимы (... во время возвращения церкви сей въ Грековосточное *благочестие*. Римскокатолическое и Униатское исповедание я не называю *злочестием* Вавилонскимъ) [2, с. 463]. В проповедях немало слов с отвлеченным значением, таких как, например, *владычество, множество, безумие, дѣяние, радость, примудрѣсть* и др. Довольно распространены в "Словах и речах" старославянские союзы *аки, аще, поелику, яко* и др.

Фонетические противопоставления славянизмов и русизмов встречаются в двух разновидностях: 1) в отдельных лексемах (*глава – голова, ночь – ночь, один – единь* и др.) и 2) в формах слов (*вижду – вижу* и др.). Все эти лексемы употребляются в произведении без каких-либо стилистических различий.

Для выражения одного и того же понятия используются синонимы как старославянские, так и восточнославянские: *благо-добро, врачевати-лечити, зрети-смотрети-глядети* и др.

Специфической особенностью "Слов и речей" является наличие просторечных слов и выражений типа *валяются* (... когда блудникъ с блудницею *валяются* [3, С. 132]; *брюхатые* (фарисеи) (...но все иное заключали боляре, князи Иудейстии, законоучители и *брюхатые фарисеи...* [3, С. 141]; *дураки* (... так и нынѣ предъ сими *дураками* проповедь... *вмѣнялась*) [3, С.147]; *пожроша* (яже *пожроша* истуканнымъ ханаанскимъ...) [3, С. 458]; *блевотина* (аки песь на свою *блевотину...*) [3, С. 448]; *подло* (Что такъ *подло* есть, как волосъ человеческий?) [3, С. 458].

Обширный пласт лексики проповедей составляют заимствованные слова из латинского и греческого языков (лат. *империя, прерогатива, рескрипт, процессия, сатисфакция, церемония, трактат, публика, трибунал, уния, капитуляция* и др.; греч. *догмат, ритор, софизм, философ, диадема, характер, мантия, трагедия, иерархия, геенна, иерей, ересь* и др. Особую группу составляют заимствования из европейских языков, в частности, французского (*маскарад, баталия, сибарит* и др.) и немецкого (*лагерь, пастор* и др.). Нередко для обозначения одного и того же понятия автор использует как русскую, так и заимствованную лексику (*армия – войско; лагерь – обоз; дума – сенат; баталия – бой, битва* и др.).

Таким образом, лингвистический анализ произведения Георгия Конисского "Слова и речи", написанного в жанре проповеди в 1795 году, свидетельствует о параллельном употреблении русских и старославянских языковых элементов с преобладанием последних. Текст проповеди насыщен разговорной и просторечной лексикой. Все это является отражением процесса расширения функции книжно-славянского типа русского литературного языка. Кроме того, лексика "Слов и Речей" Георгия Конисского включает значительный пласт иноязычных слов, заимствованных в основном из латинского и греческого языков. Следовательно, особенностью исследуемых проповедей является смешение старославянской лексики с восточнославянской и иноязычными заимствованиями.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Буглаков М.* Преосвященный Георгий Конисский, Архиепископ Могилевский. – Мн.: "Виноград", 2000. – 656 с.
2. Там же.
3. *Конисский Г.* Слова и речи. – Могилев-на-Днепре, 1895. – 488 с.